

УДК 75

ПЕТР ПЕРВЫЙ. СЕВЕРНАЯ ВОЙНА.

Ткаченко Е.Е., студент гр. ИМб-251, I курс
Научный руководитель: профессор Белянин Д.Н
Кузбасский государственный технический университет
имени Т.Ф. Горбачева, г. Кемерово

Более трёхсот лет отделяют нас от подписания Ништадтского мира, однако Северная война по сей день остаётся одним из наиболее актуальных сюжетов отечественной истории. Актуальность проистекает из того фундаментального значения, которое эта война имела для формирования России как государства-цивилизации. Вопрос о выходе к морю был для Петра I не вопросом престижа, а вопросом геополитического выживания: замкнутая в континентальном пространстве, отрезанная от европейских торговых путей, Россия рисковала навсегда остаться на периферии мировой политики и экономики. Балтийское побережье — это доступ к европейским рынкам, военно-морским технологиям, дипломатическим коммуникациям. Цель настоящего доклада состоит в том, чтобы рассмотреть Северную войну не просто как череду сражений, но как процесс, в ходе которого государство принципиально трансформировало само себя. Тезис, который мы намерены обосновать, звучит следующим образом: война не просто сопровождалась реформами — она их порождала, создавая запрос на новые институты, новую армию, новую экономику и новую идеологию власти.

К 1700 году Россия представляла собой государство с огромным территориальным потенциалом, но глубокими структурными слабостями. Армия строилась по устаревшей поместной системе; промышленность, способной снабжать современную войну, практически не существовало; военно-морского флота на Балтике не было вовсе. Единственным выходом к морю оставалось Белое море с портом Архангельск — путь долгий, неудобный и скованный льдами большую часть года. Великое посольство 1697–1698 годов позволило Петру не только изучить европейский опыт, но и нащупать дипломатическую почву для будущей коалиции против Швеции. «Окно в Европу» предстояло прорубить силой.

Войне предшествовала тщательная дипломатическая работа. К 1699 году Петру удалось сформировать Северный союз в составе России, Дании и Саксонии (курфюрст которой Август II одновременно являлся королём Речи Посполитой). Союз объединяли общие претензии к Швеции, доминировавшей на Балтике и контролировавшей земли, которые каждый из союзников считал своими: Дания претендовала на Шлезвиг, Август II — на Лифляндию, Пётр — на Ингерманландию и Карелию, некогда утраченные по Столбовскому миру 1617

года¹. Важнейшим дипломатическим условием вступления России в войну было урегулирование отношений с Османской империей. Лишь 8 августа 1700 года, получив подтверждение о заключении перемирия с турками, Пётр объявил войну Швеции. Однако ещё до этого момента союзники уже потерпели первые неудачи: Дания была стремительно выведена из войны Карлом XII в августе того же года — молниеносный десант под Копенгагеном вынудил датского короля подписать мир в Травентале. Северный союз рассыпался в самом начале.

Россия вступила в войну в одиночестве. В октябре 1700 года русские войска осадили Нарву — шведскую крепость на берегу реки Нарвы, контролировавшую важнейший торговый путь в восточную Прибалтику. Нарва имела стратегическое значение: через неё проходила торговля между Россией и Западной Европой, а её падение открывало путь вглубь шведских владений на побережье Финского залива. Осада, однако, с самого начала складывалась неудачно. Русская армия, насчитывавшая около 35–40 тысяч человек, формально обладала подавляющим численным превосходством, однако это преимущество было во многом иллюзорным. Войска страдали от острой нехватки продовольствия и фуража: система снабжения, не рассчитанная на ведение длительных осадных операций вдали от центральных районов страны, давала серьёзные сбои. Артиллерия, которой катастрофически не хватало как по числу орудий, так и по качеству пороха, не могла эффективно разрушить мощные каменные укрепления крепости. Командование армией было поручено герцогу де Кроа — иностранному военачальнику, не пользовавшемуся доверием среди русских офицеров и солдат. Дисциплина в войсках оставляла желать лучшего, боевой дух — невысоким.

19 ноября 1700 года (по старому стилю) Карл XII стремительным маршем подвёл к Нарве армию численностью около 8–9 тысяч человек — закалённых, дисциплинированных, воодушевлённых недавней победой над Данией². Атака была проведена в условиях сильной метели, что лишило русских возможности своевременно обнаружить противника и занять оборонительные позиции. Шведы ударили по центру растянутых русских порядков с решительностью и скоростью, не оставлявшими противнику времени на перегруппировку. Герцог де Кроа и большинство иностранных офицеров незамедлительно сдались в плен или перешли на сторону шведов. Оставшись без командования, русские войска дрогнули и обратились в бегство; многие солдаты утонули, пытаясь переправиться через Нарову по ненадёжным переправам. Поражение было полным и унижительным: русские потеряли почти всю артиллерию — свыше 150 орудий, — большую часть офицерского корпуса, погибло и попало в плен около 6–8 тысяч человек³. Лишь гвардейские Преображенский и Семёновский полки

¹ Соколова Н. В. Северная война и церковная реформа Петра I // Вестник МГИМО Университета. — 2021. — №6. — С. 153–171.

² Карцов, А. П. Военно-исторический обзор Северной войны / сост. Гвардейского ген. штаба полковник Карцов. — Санкт-Петербург : В тип. Военно-учеб. заведений, 1851. — 134 с.

³ Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы: сборник документов / под ред. Л. Г. Бескровного, Г. А. Куманева. — М., 2009.

сохранили боеспособность и организованно отступили, что впоследствии Пётр особо отметил. Европа встретила известие о Нарве со смесью злорадства и нескрываемого пренебрежения к русской военной силе. Карл XII, блестящий тактик и дерзкий полководец, считавший Россию второстепенным противником, не склонным к серьёзному сопротивлению, обратил основные силы на запад — против Августа II. Это стратегическое решение шведского короля, продиктованное недооценкой России, дало Петру бесценное время. Здесь важно обратить внимание на логику, которую А. В. Беспалов подробно анализирует в своём исследовании: шведский король, недооценив Россию, дал ей пространство для манёвра, которое Пётр использовал с исключительной эффективностью⁴.

Немедленно после Нарвы начались преобразования, которые в историографии принято называть военными реформами петровской эпохи, хотя правильнее говорить о реформах тотальных — затронувших все стороны государственной жизни. Армия перестраивалась на регулярной основе: вместо дворянского ополчения вводилась рекрутская система (первые рекрутские наборы — 1699–1700 годов, но массовый характер они приобрели именно после Нарвы). Требовалась артиллерия — и знаменитый указ о переливке колоколов (1701) стал вынужденной, но показательной мерой: государство жертвовало церковным имуществом ради военных нужд. Это обстоятельство Н. В. Соколова трактует как один из узловых моментов в переосмыслении отношений государства и церкви: война создавала финансовый и идеологический запрос на подчинение церковных ресурсов государственным задачам, что в итоге приведёт к ликвидации патриаршества и учреждению Святейшего Синода в 1721 году⁵. Параллельно развёртывалась уральская металлургия: горные заводы Демидовых, основанные при непосредственном участии государства, к середине 1700-х годов начали снабжать армию пушками и ядрами. Потребность в грамотных офицерах стимулировала открытие Навигацкой и Артиллерийской школ. Война предъявляла счета — государство их оплачивало ценой глубочайшей перестройки. В 1701–1704 годах, пока Карл XII воевал с Августом II в Польше и Саксонии, Пётр методично восстанавливал позиции на севере: в 1702 году была взята Нотебургская крепость (переименованная в Шлиссельбург — «ключ-город»), в 1703-м — заложен Санкт-Петербург в устье Невы, в 1704-м — взяты Дерпт и Нарва, смывшая позор четырёхлетней давности. Выход к Балтийскому морю был пробит.

К 1706 году Швеция достигла, казалось бы, полной победы на западном направлении: Август II был вынужден подписать Альтранштедтский мир, отречься от польского престола и разорвать союз с Россией. Северный союз прекратил существование. Карл XII стоял в зените славы и обратил взор на восток. Поход на Москву начался в 1707–1708 годах. На сторону Карла перешёл гетман

⁴ Беспалов А. В. Северная война: Карл XII и шведская армия. Путь от Ко-пенгагена до Переволочной. 1700–1709. — М., 1998.

⁵ Соколова Н. В. Северная война и церковная реформа Петра I // Вестник МГИМО Университета. — 2021. — №6. — С. 153–171.

Иван Мазепа, обещавший шведскому королю украинских казаков, продовольствие и зимние квартиры. Измена Мазепы стала для Петра тяжёлым ударом, однако её практические результаты оказались значительно скромнее, чем рассчитывал шведский король: большинство казаков не поддержали гетмана. Пётр последовательно применял тактику, исключавшую генеральное сражение в невыгодных условиях. Русские войска отступали, уничтожая запасы продовольствия и фуража, сжигая склады. Корпус Левенгаупта, шедший на соединение с Карлом с обозом и подкреплениями из Прибалтики, был разгромлен у деревни Лесной в сентябре 1708 года — Пётр впоследствии называл эту победу «матерью Полтавской баталии»⁶. Армия Карла оказалась отрезана от подкреплений и лишена припасов. Суровая зима 1708–1709 годов нанесла шведским войскам потери, сопоставимые с боевыми.

Полтавская битва 27 июня 1709 года стала образцом применения передовых для своего времени тактических приёмов. Накануне сражения русские инженеры возвели систему редутов — полевых укреплений, перпендикулярных линии шведского наступления. Эти редуты выполняли двойную функцию: они изматывали наступающих шведов, нарушали их боевые порядки и одновременно прикрывали развёртывание русской пехоты. Сборник документов «Северная война 1700–1721 гг.» под редакцией Л. Г. Бескровного и Г. А. Куманева содержит материалы, позволяющие восстановить оперативный план сражения с большой точностью. Шведская армия, насчитывавшая около 20–26 тысяч человек (при этом значительная часть войск была оставлена в осадных отрядах у Полтавы), столкнулась с русской армией численностью около 42–45 тысяч человек, обеспеченной значительным артиллерийским преимуществом⁷. Прорыв сквозь редуты дезорганизовал шведские колонны; в генеральной схватке на открытом поле Карл XII был ранен ещё до сражения и не мог лично руководить войсками. Бой длился около двух часов и завершился полным разгромом шведской армии. Карл XII с остатками войск и Мазепой бежал в Османскую империю, где нашёл убежище у турецкого султана⁸.

Значение Полтавы трудно переоценить. На поле боя была уничтожена лучшая шведская армия — профессиональная, закалённая в боях Великой Северной войны. Швеция лишилась сухопутного превосходства, которое являлось основой её имперского могущества. Для России же Полтава означала не просто военную победу — она знаменовала признание нового статуса страны. Северный союз немедленно возродился: Август II вернул себе польский престол, Дания возобновила войну со Швецией, к коалиции присоединилась Пруссия. Дипломатические курьеры поздравляли Петра как одного из крупнейших монархов Европы. Параллельно с сухопутной войной Россия с нуля строила военно-морской флот. Задача была колоссальной: в 1700 году на Балтике у

⁶ Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы: сборник документов / под ред. Л. Г. Бескровного, Г. А. Куманева. — М., 2009.

⁷ Там же.

⁸ Беспалов А. В. Северная война: Карл XII и шведская армия. Путь от Ко-пенгагена до Переволочной. 1700–1709. — М., 1998.

России не было ни одного боевого корабля. Строительство флота потребовало создания целой отрасли промышленности: верфей, канатных заводов, лесозаготовительных предприятий, подготовки корабельных мастеров и морских офицеров. Пётр лично участвовал в строительстве кораблей — это не только легенда, но и задокументированный факт. Навигацкая школа в Москве (1701) и Морская академия в Петербурге (1715) стали кузницами офицерских кадров. К 1714 году Балтийский флот представлял собой реальную боевую силу, способную оспорить шведское господство на море.

27 июля 1714 года у мыса Гангут (швед. Гангё) состоялось первое крупное морское сражение в истории русского военно-морского флота, ставшее закономерным итогом почти полутора десятилетий целенаправленного военно-морского строительства. Стратегический контекст сражения определялся задачей обеспечения русского присутствия в Финляндии: гребной флот под командованием генерал-адмирала Ф. М. Апраксина должен был доставить подкрепления к Або, однако путь вдоль финского побережья оказался заблокирован шведской эскадрой вице-адмирала Ватранга, располагавшей значительным превосходством в тяжёлых парусных кораблях.

Оперативное решение, найденное Петром I, наглядно демонстрирует его способность использовать природные условия в тактических целях. В условиях установившегося штиля парусный флот шведов оказался лишён манёвренности и фактически прикован к месту, тогда как гребные суда — галеры и скампавеи — сохраняли полную свободу передвижения. Пётр воспользовался этим обстоятельством, организовав последовательные попытки прорыва: первоначально был произведён отвлекающий манёвр с демонстративной переброской части судов через перешеек, что вынудило Ватранга разделить эскадру. Воспользовавшись рассредоточением противника, основные силы русского гребного флота обошли шведские позиции по открытой воде. Отряд контр-адмирала Эреншёльда, выдвинутый на перехват и насчитывавший 10 судов во главе с фрегатом «Элефант», оказался отрезан от главных сил и принуждён к бою в невыгодных условиях⁹. После нескольких последовательных атак, отбитых шведами с большими потерями с обеих сторон, русские галеры сошлись с противником на бордаж. Фрегат «Элефант» и все суда отряда Эреншёльда были захвачены; сам контр-адмирал взят в плен.

Значение Гангутской победы выходит далеко за рамки тактического успеха. Впервые в истории русский военно-морской флот одержал победу в открытом бою над регулярными военно-морскими силами первой европейской державы. Символическое измерение этой победы было осознано современниками в полной мере: Пётр I приравнивал Гангут к Полтаве, и подобная оценка имела веские основания — если Полтава сломила сухопутное могущество Швеции, то Гангут поставил под сомнение её господство на море, являвшееся краеугольным камнем шведской имперской системы. Захваченные

⁹ Богданович, М. И. Замечательнейшие походы Петра Великого и Суворова : публичные лекции военной истории, по высочайшему повелению читанные Генерального штаба подполковником Богдановичем, в 1846 г. / М. И. Богданович. — Санкт-Петербург : Типография Карла Края, 1846. — XI, 240 с.

трофеи были торжественно провезены по улицам Петербурга; командиры и офицеры удостоились наград.

Окончательное закрепление русского морского превосходства в восточной части Балтийского моря обеспечило сражение при Гренгаме 27 июля 1720 года. Русская эскадра под командованием князя М. М. Голицына в условиях мелководья вынудила шведские корабли принять бой в заведомо невыгодной для них обстановке: крупные парусные суда потеряли свободу манёвра на мелководьях, что позволило русским галерам вновь применить абсордажную тактику. Четыре шведских фрегата были захвачены. Примечательно, что Гренгамское сражение произошло в отсутствие Петра I, который не принимал в нём личного участия, — обстоятельство, имеющее существенное историческое значение: оно свидетельствует о том, что к 1720 году Балтийский флот сложился как самостоятельная боеспособная военная структура с профессиональным командованием, способным действовать независимо от непосредственного участия монарха. Флот перестал быть личным проектом царя и превратился в государственный институт — именно это превращение и составляло конечную цель всего военно-морского строительства петровской эпохи.

В 1719–1721 годах русские десанты высаживались непосредственно на шведском побережье, разоряя окрестности Стокгольма. Война, начавшаяся под стенами Нарвы, докатилась до берегов метрополии противника. Швеция оказалась перед лицом угрозы полного разгрома.

30 августа 1721 года в финском городе Ништадте был подписан мирный договор, завершивший двадцатилетнюю войну. По условиям мира Россия получила: Эстляндию, Лифляндию, Ингерманландию, часть Карелии с Выборгом и несколько островов в Балтийском море. Финляндия возвращалась Швеции. Россия выплачивала Швеции денежную компенсацию — 2 миллиона талеров — за Лифляндию¹⁰. Это был грандиозный территориальный успех. Страна, которая в 1617 году по Столбовскому миру была фактически выдворена с берегов Балтики, теперь закрепила на всём восточном побережье этого моря — от Финского залива до Риги.

22 октября 1721 года Сенат преподнёс Петру титулы «Великого», «Отца Отечества» и «Императора Всероссийского». Россия официально стала империей, что имело глубоко символическое значение: претензию на особое место в европейской системе государств, наследование традиции великих европейских монархий. Н. В. Соколова говорит о том, что провозглашение империи и церковная реформа (ликвидация патриаршества, учреждение Синода в том же 1721 году) были явлениями одного порядка: государство завершало строительство абсолютной монархии, в которой церковь занимала подчинённое положение, — именно этого требовала логика военно-реформаторского государства, выстроенного в годы Северной войны¹¹.

¹⁰ Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы: сборник документов / под ред. Л. Г. Бескровного, Г. А. Куманева. — М., 2009.

¹¹ Соколова Н. В. Северная война и церковная реформа Петра I // Вестник МГИМО Университета. — 2021. — №6. — С. 153–171.

Было бы исторически нечестно говорить о победе, умалчивая о её цене. Двадцатилетняя война легла на русское общество колоссальным бременем. Рекрутские наборы изымали из деревень сотни тысяч мужчин; многие из них погибали не в сражениях, а от болезней и истощения. Налоговое давление неуклонно возрастало: подворное обложение сменилось подушной податью, что потребовало проведения переписи населения. Строительство Петербурга, флота, уральских заводов требовало принудительного труда. Демографические потери России в петровскую эпоху, по различным подсчётам историков, были весьма значительными, хотя точные цифры по-прежнему остаются предметом дискуссий в историографии.

Северная война была войной за модернизацию. Именно этот тезис, как представляется, составляет главный вывод настоящего доклада. Каждый военный вызов порождал институциональный ответ: потребность в пушках — уральскую металлургию; потребность в офицерах — светские учебные заведения; потребность в финансировании — налоговую реформу и подушную подать; потребность в координации — Сенат, коллегии, губернскую реформу; потребность в легитимации новой роли государства — провозглашение империи и подчинение церкви. Война и реформы были единым процессом, и разделять их в историческом анализе — значит упрощать до неузнаваемости. Противостояние Петра I и Карла XII представляет собой один из наиболее показательных примеров столкновения двух принципиально различных моделей государственного мышления в эпоху раннего Нового времени. Оба монарха вступили на престол почти одновременно — в конце 1690-х годов — и оба обнаружили незаурядные военные дарования уже в первые годы правления. Однако сходство на этом, по существу, исчерпывается. Карл XII демонстрировал выдающиеся качества тактика и полководца в классическом смысле: его кампании отличались стремительностью, решительностью и личной храбростью, граничившей с безрассудством. Вместе с тем шведский король обнаруживал устойчивую склонность к подчинению стратегических задач тактическим соображениям, что в конечном счёте обернулось роковой недооценкой противника. Пётр I, напротив, воспринимал военные действия прежде всего как инструмент государственного строительства. Каждое поражение становилось для него поводом для институциональных преобразований, каждая победа — основанием для расширения государственных возможностей. В этом отношении показательное принципиальное различие в том, как оба монарха реагировали на кризисные ситуации: Карл XII неизменно искал решение на поле боя, тогда как Пётр при необходимости жертвовал тактическими позициями ради сохранения стратегического потенциала. Подобная асимметрия в государственном мышлении двух правителей во многом предопределила исход не только Полтавской битвы, но и всей войны в целом. Итогом Северной войны стало превращение России из регионального московского царства в великую европейскую державу — Российскую империю, чьё слово отныне учитывалось при решении ключевых вопросов европейской политики. «Окно в Европу» было прорублено, и через него Россия вошла в мировую историю как один из её главных субъектов.

Список литературы:

1. Беспалов А. В. Северная война: Карл XII и шведская армия. Путь от Копенгагена до Переволочной. 1700–1709. — М., 1998.
2. Богданович, М. И. Замечательнейшие походы Петра Великого и Суворова : публичные лекции военной истории, по высочайшему повелению читанные Генерального штаба подполковником Богдановичем, в 1846 г. / М. И. Богданович. — Санкт-Петербург : Типография Карла Края, 1846. — XI, 240 с.
3. Карцов, А. П. Военно-исторический обзор Северной войны / сост. Гвардейского ген. штаба полковник Карцов. — Санкт-Петербург : В тип. Военно-учеб. заведений, 1851. — 134 с.
4. Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы: сборник документов / под ред. Л. Г. Бескровного, Г. А. Куманева. — М., 2009.
5. Соколова Н. В. Северная война и церковная реформа Петра I // Вестник МГИМО Университета. — 2021. — №6. — С. 153–171.